

из дальних странствий
возвратясь

АНГЛИЯ. ГОД 1968

вперед, я скажу, что многое, очень многое в Англии минувшего года мне, да и не одному только мне, казалось всеобщим занимательным театральным представлением или декорациями театрального спектакля. Впрочем, лучше все по порядку.

Я был в Англии в октябре 1968 года в составе специальной группы, которую послало Всесоюзное театральное общество на Шекспировский фестиваль (он проводится ежегодно в апреле по повелению).

В состав делегации, кроме меня, входили деятели театра и кино, представители высших театральных учебных заведений, театровед, критик. Всего двадцать два человека. Цель поездки заключалась в ознакомлении с английской культурой, работой Шекспировского мемориального театра, который находится в городе Стратфорде — родине Шекспира.

Программой нашего пребывания в Англии предусматривалось посещение дома-музея Шекспира, усадьбы его жены — леди Хетсдейл, места, связанных с именем великого драматурга, а также посещение актеров и одним из руководителей этого театра, известного английского актера Истером Бруксом. Само собой, мы побывали в музеях, картинных галереях и театрах Лондона.

Итак, 7 октября 1968 года. Стратфорд. Небольшой городок с населением в 70 тысяч. Во всем видна седая старина, ухоженность и красочность. Первое впечатление — это узкие чистые улочки — точно не всемоделитские, а декорации театрального спектакля, причем декорации, только что поставленные.

Знакомясь с городом, мы остано-

лись около старенького домика с яркой красочной вывеской, на которой было написано «Гаррик». Мы знали, что Гаррик — известный английский актер, первый исполнитель ролей Шекспира. Но при чем тут он, если в домике пивная («паб»). Нам любезно объяснили, что вроде бы при жизни посещал Гаррик эту пивную. И вот теперь его имя красуется на вывеске.

Что и говорить — нашли чем почтить память актера. Впрочем, кому какое дело до Гаррика — владельцу пивной важна лишь реклама. И это на родине Шекспира. И снова мне стало казаться — уж не декорация ли это из плохого спектакля? И так везде — даже во всех магазинчиках сделали из Шекспира предмет для рекламы своих товаров.

Чтобы не разочароваться совсем, перед тем как разместиться в отеле «Белый лебедь», мы поспешили в дом-музей Шекспира. Сотрудники дома-музея, узнав, что мы из Советского Союза, охотно и подробно рассказывали обо всем, что связано с именем их великого земляка. В доме все выглядит так, как было при жизни хозяина. Небольшие комнаты с низкими потолками, скромная, и, я бы сказал, очень строгая обстановка. Ничего лишнего. Старый затяннутый паутиной камин. Рядом с ним висит кожаный сосуд, из которого хо-

зяин пил пиво. Несколько стульев с высокими спинками. Пол каменный из серо-темных плит, местами вытерт: сказывается время.

В другой комнате наше внимание привлек стол. На нем Шекспир писал свои шедевры. Сидел он из толстых грубых досок. Своей формой напоминает школьную парту, только без сиденья. На ее поверхности видны следы каких-то надписей. По центру — крышка. Откинув ее внутрь можно положить стопку бумаги или несколько книг. Вероятно, туда складывались исписанные листы.

Из нижних комнат ведет крутая скрипучая лесенка наверх. Фактически это чердачное помещение с маленькими оконцами, выходящими на улицу. Наверху одна комната — спальня, другая, побольше, напоминает гостиную. В обстановке ничего лишнего. Стоят очень старые темные табуретки, стол и стулья с высокими спинками. Вся мебель тяжелая, грубая. Стены комнат обмазаны глиной и побелены. В целом от посещения домика Шекспира остается такое впечатление, что здесь жил очень бедный человек.

Наша группа привезла с собой несколько театральных афиш, программ шекспировских спектаклей, поставленных у нас в Союзе. В доме музея их

охотно приняли и просили прислать еще.

Побывали мы и в церкви XIII века, в которой, по преданию, крестился Шекспир. Похоронен великий драматург в этой же церкви, только на алтаре. Вход в церковь бесплатный, а чтобы подняться на алтарь к могиле Шекспира, надо платить.

В усадьбе Энн Хетсдейл, жены Шекспира, нам позволили посидеть на любимой скамейке писателя. Здесь же нам показали фруктовые деревья, яблобы посаженные еще самим Шекспиром. Нам даже разрешили сорвать с них по несколько плодов. И сегодня, как самый дорогой сувенир, привезенный мною из Англии, я показываю всем орех с дерева, посаженного самим Шекспиром.

В центре Стратфорда, на самом берегу реки, стоит современное здание. В нем находится знаменитый шекспировский театр, который уже дважды в последние годы приезжал с гастролями в СССР.

Вечером мы пошли на спектакль «Троил и Крессида». Увы, к нашему стыду, даже в нашей сугубо театральной группе никто не знал пьесы. Пришлось раздобыть экземпляр на английском языке. Прочли, сделали перевод. Так что, идя на спектакль, мы уже знали, о чем эта пьеса.

В трагедии «Троил и Крессида» показаны два враждующих лагеря — троянцы и греки. Между ними — война. Даже молодых людей — Троил и Крессида — любят друг друга, но уже самое начало их любви замариновано жидкой грязью, «Троил и Крессида» — драма о крахе иллюзий. Вокруг этого развиваются события. Должно быть интересно. Но...

Откровенно говоря, мы были разочарованы, увидев очень сблгожанное решение спектакля, начиная от условного оформления и кончая трантовкой образов.

Тенденция поразить зрителя эффектами, внешними деталями уводит театр от глубокого раскрытия человеческих характеров и их судеб. Однако любопытным показавшись начало представления. Занавес в спектакле нет. При входе в зал зритель видит пустую черную сцену. На планшете сцены наклонный стенок, уходящий в глубину и разделяющий по центру светлой полосой. Медленно гаснет свет в зрительном зале. А в глубине сцены возникает маленькое облачко. Затем оно увеличивается, приходит в движение и заполняет всю верхнюю часть сцены. А из-за кулис слева и справа прямо по полу сцены навстречу друг другу ползут тоже облачка. Затем они сходятся, заполнив всю

сцену, и образуют водоворот, как бы символизируя столкновение двух лагерей.

Проходит несколько секунд, и сцена начинает очищаться от вертящихся облаков. Довольно эффектно. Между тем на просцениум выбегает Троил, читает темпераментно громкий монолог, и действие началось.

Такая заявка в начале спектакля давала повод думать, что театр покажет зрителю столкновение человеческих страстей, характеров — масштабно, крупно. Но в целом этого не произошло.

Нам очень хотелось увидеть, как настоящему решают и играют Шекспира на его родине. Но наши ожидания не оправдались. В спектакле много разных эффектов, в батальных картинах войны появляются перед зрителем с разодранными кровото-тащими телами, забрызганными кровью. Луки мроби разлиты и по всей сцене... Все это создает какое-то кошмарное впечатление жуткой патологичности.

Есть в этом спектакле и такой эпизод. Через сцену проходит большая масса воинов с горящими факелами. Лиц воинов рассмотреть невозможно. Только колоты и гарь. Впечатле не такое, будто горит сцена, она вся в огне. Это обилие огня, запах гары вызывают неприятное ощущение. И от настоящего искусства, конечно тут уже мало что остается. Слов нет, технически все эти эффекты выполняются четко и чисто, но заслуживают главное — смысловую сторону произведения.

Но при всем при том актеры там великолепны. Особенно трое из них про-

извели хорошее впечатление на нас. Это исполнители ролей Ахсила, шута и сводни. Они очень техничны, эмоциональны, выразительны. Сложный пластический рисунок этих ролей выполняется отлично.

И все-таки любители театра, наверно, шокированы моим рассказом. Еще бы, когда английский Королевский театр несколько раз приезжал к нам в Союз с постановками шекспировских трагедий, и общественность Москвы, и центральная пресса всегда давали высокую оценку этим постановкам. Секрет, мне кажется, прост. Наши английские коллеги хорошо учились вкусу и требованиям советского зрителя, когда привозили на гастроли свои спектакли. А такой спектакль, как «Троил и Крессида», мне кажется, вряд ли был бы принят в Москве. У себя же они, порой, увы, видимо, из кассовых соображений, вынуждены ставить и такие вот, с позволения сказать, спектакли.

Уже будучи в Лондоне, мы снова пошли в театр, только теперь уже смотреть не Шекспира, а пьесу Осборна «Наше время». В этой постановке главную роль исполнял прима этого театра, жена самого Осборна, очень хорошая актриса, некрасивая, но удивительно обаятельная. И хотя на этот раз спектакль был решен в реалистической манере и все актеры «проше» играли свои роли, сама по себе пьеса была довольно скучной. И потому постановка не произвела на нас особого впечатления.

Д. ПАРОТИКОВ,
заслуженный артист РСФСР.
(Окончание следует).

A4

из дальних странствий
возвратясь

АНГЛИЯ. ГОД 1968

Меня, как актера, многое шокировало в английских театрах. К примеру, в зрительный зал там вы можете пройти в верхней одежде. Многие из нас были одеты с учетом погоды: кто в плаще, кто в демисезонном пальто. А на вопрос «где можно раздеться?» нам ответили: «Проходите, не раздеваясь». Мы смущались, но прошли. Каково же было наше удивление, когда в зале мы действительно увидели зрителей в самых разнообразных костюмах. Некоторые дамы сидели в вечерних декольтированных платьях, другие — в меховых шубках. Мужчины в цветных плащах или просто в костюмах. Среди присутствующих модели даже находились типаж в овчинных полушубках, вывернутых ворсом наружу, хотя на дворе было тепло и в зале тоже. Мы заинтересовались, по-

чему разрешают входить в зал одетыми. Оказывается, что за пользование гардеробом нужна дополнительная оплата. А так как стоимость билета очень высокая, то не всякий зритель хочет или может нести дополнительные расходы.

Во время спектакля вы можете выйти из зала и снова войти, никто вам замечания не сделает. После первого действия контроль снимается, и в зал может войти любой и без билета. На спектакль, которые мне довелось видеть в Англии, зрительный зал, как правило, был заполнен наполовину. Трудно удержаться, так оно или нет, но нам показалось, что театры в Англии посещают только определенным кругом интеллигенции. Рядовому англичанину театр почти недоступен.

Увы, театр бывает недоступен и нашему брату актеру. Нам рассказали, что в Лондоне очень много безработных актеров. Существующие театры находятся в частных руках. И чтобы актеру получить работу, нужна или протекция, или счастливая случайность. Судите сами. В одном из театров Лондона, где мы смотрели спектакль «Человек из Ламанча», нам рассказали, что эту пьесу там играют каждый день. И так до тех пор, пока он будет давать сборы. А как

только перестанет привлекать зрителя, труппа будет уволена. А для другой постановки на актерской бирже наберут уже новый состав. Поневеле себя почитают счастливыми те, кто будет взят в эту новую труппу. Какое-то время они будут иметь работу... пока будет жив спектакль. А потом снова неизвестность. До следующего счастливого случая. Таково положение не только в этом театре, таково состояние во всем театральном мире Англии.

Дальше-больше мы с ужасом начали обнаруживать, что эта «театральная система» характерна и для всей английской жизни вообще.

Как-то после просмотра очередного спектакля (помнится, это была пьеса «Наше время») мы вышли на до предела забитую людьми улицу Лондона. Часы показывали одиннадцать вечера. Черные старомодные такси с трудом пробивались через загроможденную людским потоком улицу. Около театра прямо на тротуаре двое нищих бродячих музыкантов наигрывали один на ложках, второй на банджо незамысловатую мелодию, надеясь получить за труд пенсы, а может быть, и шиллинги. Но прохожие не очень-то торопились делиться с ними. Увидев такое дело, они перестали играть и быстро перебежали

на другую сторону улицы к кинотеатру, где как раз закончился очередной сеанс, и стали вновь играть ту же мелодию. Мы ожидали машины, которые должны были отвезти нас в отель. Но эта грустная картина до такой степени рестроила нас, что мы решили поскорее уйти с этого места и пройти пешком по ночному Лондону. Дальше снова все было как в каком-то провинциальном спектакле.

Шагая по сверкающим от ночных реклам улицам ночного Лондона, я пытался представить себе то, что смогу увидеть сейчас. Но даже мое актерское воображение на сей раз обмануло меня.

Вот чуть правее от нас осталась в разноцветных огнях шумная площадь Пикадилли, и мы как-то сразу оказались в лабиринте узеньких, почти не освещенных улочек. Они были пустынные и мрачноваты. Иногда такая улочка напоминала очень узкий каменный коридор с высокими глухими стенами без окон и дверей.

Если на площади Пикадилли и прилегающих к ней улицах было множество людей, то в районе Сохо в вечернее и ночное время кварталы кажутся пустыми. Но это только кажется. Активная ночная жизнь идет здесь не на улицах,

а в ночных кафе, рестораниках и клубах.

Нейтралует световая реклама. Прямо, слева и справа от нас большие фотографии молодых красивых женщин, откровенно обнаженных. Это реклама пресловутого стриптиза. Назавтра, уже днем, проходя тем же местом, мы навольно замедлили шаг — никаких признаков того, что здесь мы видели ночью, не было. Все убрано. Ни фотореклам, ни светореклам. Все выглядит тихо, пристойно. Но приходит вечер, появляются странно одетые молодые люди, и все начинается сначала.

Этих странно одетых парней и девушек, которых здесь зовут хиппи, можно встретить и на других лондонских улицах. Они в самых невероятных костюмах. Некоторые парни в женской одежде, а девушки в мужской. В их внешнем виде полное смешение эпох и стоек. Девушки загримированы. Парни с длинными и нечесанными волосами, с небрежно отпущенной растительностью на лице. Вид крайне неопрятный. Особенно много такой молодежи собираются на площади Пикадилли у фонтанчика с изображением бога любви Эроса.

Каждый вечер часо в 11—12 ночи здесь можно наблюдать колоритные сцены. Некоторые сидят под изображе-

нием «бога любви» и надсадно поют под аккомпанемент нескольких гитар. Другие, развалившись в невероятных позах прямо на асфальте, устремили безумный взгляд в звездное небо и что-то шепчут. Тут же несколько молодых людей обходит наблюдающую толпу с протянутыми для подаяния шляпками. Кто-то что-то бросает в эти шляпки. А рядом другой группой разыгрывается сцена «свободной любви»: юноша обнимает одну девушку, целует другую...

Я не могу на страницах газеты привести все, что видел там мои глаза, и передать всю ту мерзость, какую довелось мне наблюдать на площади Пикадилли.

На наш вопрос, кто эти молодые люди (а им от 14 до 17 лет), и как к этому относятся власти, родители, нам ответили, что, как правило, это дети из обеспеченных семей. Некоторые родители пытаются бороться и вырвать своих детей из-под влияния этой разлагающей среды, другие, отчаявшись, махнули рукой, а власти не видят в их действиях никакого криминала, и потому не трогают их. Мнение властей одно — пусть занимаются чем угодно, лишь бы не политикой.

Честно говоря, кроме чувства нелов-

кости и стыда, поведение хиппи у нас ничего не вызвало. Мне по-человечески было жаль других бродяг — нищих музыкантов, которых и встречал чуть ли не на всех улицах Лондона. У меня до сих пор стоит перед глазами сценка у театра, о которой я уже рассказывал. Или вот еще. Трое пожилых людей стоят на тротуаре среди людского потока и играют старинное танго. У одного в руках саксофон, у другого — барабан, а третий играет на банджо. Играют хорошо, стройно. В мелодии танго есть что-то грустное, щемящее. И вот когда посмотрю на этих людей, убогих сединами, на толпу, бегущую куда-то и не обремененную на них никакого внимания, становится больно за человека, вынужденного вот таким способом добывать себе несостоятельные пенсы на жизнь.

В одном подземном переходе в районе Гайд-парка стоял человек лет 45 в полувоенной форме с двумя орденами и двумя медалями на груди — по всей видимости, ветеран минувшей войны. В руках у него банджо, к колкам которого прикреплен маленький холщевый мешочек для подаяния. Он наигрывал какую-то мелодию и тихонько пол. Минут пять стоял я в стороне, наблюдая за ним. И за все это время никто из проходящих ничего не кинул ему в мешочек.

Я не раз видел таких нищих на улицах шумного Лондона, сверкающего огнями реклам, витрин, магазинов. Даже за столь краткое время я вволю убедился, насколько обманчив этот сказочный неоновый блеск фасадов. Простому англичанину, даже если он имеет ра-

боту, ох, как не сладко живется в «добрый старей Англии».

Шофер автобуса, который нас обслуживал, как-то рассказал мне, что больше половины зарплата у него уходит только на оплату жилья и других коммунальных услуг. Вот вам лишь один пример из его жизни. Условия его работы требуют, чтобы у него дома стоял телефон. Он заплатил за его установку и за аппарат. Платит ежемесячную абонентскую плату. И, кроме того, вынужден еще платить и за каждый разговор по телефону. Можно подумать, телефон — мелочь. Но этих мелочей набегает столько, что на руках у него остается чуть больше трети зарплата. Этих денег явно не хватает. Поэтому, чтобы хоть как-то прожить, он после 6 часов (после своей основной работы) отправляется на другую — в магазин, где сколачивает шкни, разност молочно. Этот человек за всю свою жизнь не мог себе позволить даже такой пустячной, на наш взгляд, роскоши, как сходить в Британский музей — слишком дорого стои билет.

Мне до сих пор по ночам иногда снится старик, седой, беззубый, обложивший с груди и со спины рекламными щитами и, точно маятник, бегающий с автобусной остановкой до перекрестка и обратно. Я до сих пор не могу забыть его пустые, ничего не выражающие глаза.

Это тоже Англия 1968 года.

Д. ПАРОТИКОВ,
заслуженный артист РСФСР.
г. Барнаул.

13 МАР 1968
МОЛОДЕЖЬ АЛТАЯ
Барнаул

14 МАР 1968
МОЛОДЕЖЬ АЛТАЯ
Барнаул